

люди искусства

Беспокойство поиска

Б. БУРЬЯН

Анатолий Логинов — артист Брестского областного театра им. Ленинского комсомола Белоруссии — тяготеет к четкой определенности образов своих героев. Он не боится выглядеть старомодным. Он гримируется. И парик подбирает не один день. И походку выработывает. Му дорог тот миг, когда искусственный, дотошный и просвещенный в области театральных чудес зритель все же поверит: нет, это не Логинов, это Отелло... это Бессеменов... Пусть хоть когда-нибудь старомодность хоть на минуту покажется, что там, за рампой, не подмостки, а Кипр или кирпич Холмских ворот! Ну, хоть в той степени, как мы верим, что перед нами не книжная страница, а запечатленный на бумаге вздох Наташи Ростовой.

Его влечет труднейшая задача — стать на время спектакля единомышленником автора, писателя, который в тиши выводил на бумаге слова роли, из коих и надлежит родиться музыка, по выражению актера, определенной судьбы. И нет ничего нескромного в том, что такое желание артиста стать вровень с художником слова стало творческим правилом повседневной деятельности, поисков и напряженных раздумий, из чего, собственно, и складываются дни, месяцы, сезоны актера А. Логинова.

Спектакль «Варвары» М. Горького. В пестром и нередком шумливом калейдоскопе людей уездного Верхополя есть городской голова. Некто Редозубов. Как известно, пьеса рассматривает трагизм столкновения патриархальной, или, как писал А. В. Луначарский, «деревянной России» с Россией железной, фабричной, технической. Ломка мироощущений, расходящаяся кругами от столиц до провинциальной глуши, отзывается своеобразной музыкой и в душах верхополяцев. Душная атмосфера поединка цивилизованных «варваров» из Питера с напуганными верхополяскими «аборигенами», среди которых самый заматерелый — он, Редозубов, взрывается бедами, мучениями душ, смертью, слезами. Слезы срываются с ресниц и у Редозубова — Логинова. Он больше всех науган и оскорблен нашествием в Верхополе питерских инженеров, затеявших, как ему кажется, по прихоти своей строительство железной дороги в здешнем крае.

Колоритный характер. Сочная живопись сценического облика и всего поведения персонажа. Горьковская беспощадность в рисунке роли. И человечность, естественность каждого шага на сцене, каждой интонации.

Рядом с этим Редозубовым на брестских подмостках появляется персонаж комедии К. Крапивы «Кто смеется последним» — ученый Туляга. «Особинку» этого сценичного героя составляет чрезмерная, на границе с чудачеством, осторожность. Допускаешь мысль, что он и в науке не

спешит уверовать в ту или иную гипотезу, опасаясь попасть в просак и прослыть дилетантом. Осторожность частенько толкает Тулягу через порог, за которым начинается трусость. Личная и гражданская. Он у А. Логинова даже сам себя презирает за такое «излишество», да вот выдавить из себя пугливость, нравственно очиститься ему по-человечески трудно. Тень начальствующего Горлохвастского застит свет Туляге, внушая ему горестное умозаключение о торжестве и в науке воинственной наглости и апломба. И перевоплощение тут актерское «чуть-чуть» иное: А. Логинов следит за тем, как у Туляги пробуждается, мужает личная и гражданская воля настоящего ученого-правдолюбца, искателя истины.

Не в том ли прелесть исполнения ролей Логиновым, что самый колоритный его характер непременно наделен то ли «предвкушением поступка», то ли энергией, жаждущей поступка? В одних случаях нелепого и опрометчивого, в других благородного и нужного людям, но непременно поступка!

Здоровые принципы реалистического искусства, видимо, заложены в творческой индивидуальности А. Логинова. Ему чуждо самоцельное увлечение формалистическими трюками и приемами. Его не касаются преходящие моды. То, что в системе Станиславского называется «жизнью человеческого духа», — для Логинова не абстрактное понятие, не условный термин. Он и впрямь задается целью «зажечь» этой жизнью, когда ему поручается роль: исследовать мотивы, дознаться до причин губительного падения или, наоборот, жизнеутверждающего взлета человека, выразить через судьбу героя свой идеал, свое представление о гармонической личности.

Среди классических произведений, которые вызвали повышенный интерес белорусской общественности, был в свое время и спектакль брестчан «Отелло». Шекспировская трагедия была поставлена с нескрываемым почтением к воле автора, но без ложного восторга перед традициями. Венецианский полководец Отелло у Логинова от природы в самом деле был доверчив, но и весьма пылким одновременно.

Отелло — одна из первых ролей артиста в Бресте. Сюда привели его дороги актера-странника. С первых дней Великой Отечественной войны он на фронте. Там овладевает сложнейшей профессией: стрелок-радист в авиации. Тяжело ранен. Будучи родом из семьи артистов, демобилизованный по ранению, воин Анатолий Логинов устремляется к мечте — он поступает на сцену. Было это в сорочке втором году, в далеком городе Уржуме.

Ему довелось с периферийными коллективами поездить по городам и весям, выступать на неприспособленных

«пяточках». Задержался на восемь лет в городе Клайпедде. На тамошней сцене — тридцать ролей. Всяких. Едва ли тогда он думал, что пути-дороги приведут его в Белоруссию, что здесь он встретится со многими желанными ролями, сформируется его мастерство. А произошло как раз так: больше двадцати лет служит Анатолий Константинович в театре Бреста. Его репертуарный список разнообразен и, можно сказать, живописен по контрастам ролей. Секретарь горкома Тарасов в спектакле «Сердце на ладони» по роману И. Шамкина, генерал Крутицкий в комедии А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», Савва Морозов в «Третьей страже» Г. Каприлова и С. Туманова, Дон Карлос в «Спрятанном кабатере» Кальдерона, старик Наум Евстигнеевич в «Характерах» по В. Шукшину и некто Лысый в шукшинских же «Энергичных людях», Клима Елизарович Сорокин в пьесе «Берегите белую птицу» Н. Мирошниченко...

Что помнится от встреч с этими персонажами артиста Логинова?

Диалектическая живость в обрисовке человеческих страстей. Уж если это хитрец с его досужей изобретательностью, то вы проследите за извивами лукавого ума, пускай даже и не очень далеко. Когда Логинов осмысливает натуру незаурядную, нам будут вняты душевные импульсы человека в минуты рискованных решений, в минуты подъема энергии для свершения главного поступка жизни. Вероятно, не случайно именно Логинов вместе с Александром Гоманюком и Иваном Мацкевичем дает в «Брестской крепости» К. Губаревича наиболее целостное представление о готовности к подвигу советского человека, когда он играет роль одного из защитников цитадели майора Авилова. Вероятно, эта работа одна из немногих, где актеру была важна так называемая «узонаваемость» героя, его похожесть на живых людей, которые все реже, но еще приезжают в Брест, чтобы со склоненной головой помолчать возле Холмских ворот и у тихого бега воды в Мухавце.

От наблюдательности, от внимания к тончайшим нюансам чувств, от продуманных интонаций речи — к обобщениям художественной мысли, к образному воплощению идеи произведения. Это и есть актерский «нрав» Анатолия Логинова.

Любопытно, что ему выпало создавать исторические портреты на одной и той же сцене. Названный уже Савва Морозов, полководец Михаил Фрунзе («Финал» П. Строгова), Николай Васильевич Гоголь в драматической поэме В. Коростылева «Через сто лет в березовой роще». ...Погружение в биографию конкретной личности, стремление разгадать внутренние мотивы деятельности человека, знакомого зрителю по иным источникам и по иным произведениям искусства, — задача увлекательнейшая. И ответственная. Она по душе А. Логинову. Он не без робости приступает к такой работе, но потом уже не отступает, не теряет веру в приближение к желанной творческой цели. Это, если хотите, тоже художественный характер. Не отчаиваться перед трудностями и перед неполной удачей, а двигаться к новым вершинам. Робость — плохой советчик в искусстве. Кажется, эти слова — из любимых афоризмов Логинова. Правда, он обычно и добавляет: «...как и самонадеянность». Вообще в сценических поисках истинны лучше прислушиваться к шепоту сомнений, нежели к трубному гласу самомнения. Это в натуре Логинова-актера.

Сцена дает уроки правды и совести, если она убеждает зрителя, впечатляет, волнует, заставляет соотносить собственную жизнь с тем, что ему показывают в лучах рампы. Праздничность самого этого события — спектакля — диалектически сочетается с правдивостью воплощения жизни. Тогда из театра выходят люди, обогащенные нужными им эмоциями и впечатлениями.

Для этого, как уверен Логинов, необходима высокая правда искусства. К ней устремлены его помыслы. Актер он творчески зрелый, имеющий свои убеждения и свое представление о том, чему служит почти сорок лет кряду, из них двадцать один год — в Бресте. В день 60-летия Анатолия Константиновича благодарные зрители — ветераны войны и молодые жители пограничного города — сказали ему свое спасибо за творческое горение, за мастерство, за вечно спокойный дух поиска.

Народный артист БССР
Анатолий Логинов.